

Александр Восьмой

Книга 12. «Когда гаснут маяки»

18+

Александр Восьмой

Книга 12. «Когда гаснут маяки»

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 12. «Когда гаснут маяки» / А. Восьмой — «Автор», 2026

Галактика стоит на пороге войны, и пираты оказываются в центре событий: их решения могут либо разжечь конфликт, либо погасить его. Финал саги — не просто битва, а выбор, который определит, останутся ли они разбойниками или станут героями своей эпохи. Эпичность — в масштабе последствий и осознании, что даже в хаосе можно оставить след в истории.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Книга 12. «Когда гаснут маяки»

Глава 1. Призрак на краю карты

Мёртвые звёзды не светят — они лишь чертят в пустоте угрюмые контуры забытых трагедий. Сектор Икс-97 давно стёрли со всех легальных карт: здесь гравитационные ловушки пожирают корабли, а тишина звенит, как натянутая струна перед ударом.

«Ворон» капитана Рэна Далькейра скользнул между ржавыми островами флотов, что рассыпались здесь ещё до рождения его деда. На мостике воздух был густ от напряжения и запаха перегретой проводки. Сенсоры пищали, выхватывая из тьмы обрывки данных, которые не хотели складываться в понятную картину.

— Это невозможно, — пробормотал навигатор Кэл, вцепившись в край панели. — Сигнал... живой. Три тысячи лет в пустоте — и он всё ещё зовёт.

Рэн не ответил. Он смотрел на экран, где среди обломков проступали очертания станции — не руины, а скелет, сохранивший форму, будто смерть замерла на пороге, не решаясь войти.

Шлюз «Ворона» лязгнул, выпуская отряд в вакуум. Скафандры глотали темноту, а фонари выхватывали из неё фрагменты мозаики: выжженные шлюзовые камеры, оплавленные гермодвери, символы, давно стёртые из галактических архивов.

В центре зала, посреди слоя космической пыли, стоял контейнер. Гладкий, без единой царапины, будто его только что доставили сюда по тайному коридору времени. На крышке — печать: древний узор, сплетённый из линий, что означали «не вскрывать ценой жизни».

Механик Зора присела рядом, провела перчаткой по металлу — и тот отозвался едва слышным гулом.

— Он тёплый, — прошептала она. — Как будто внутри что-то дышит.

Рэн шагнул вперёд и коснулся печати. В этот миг тишина сектора взорвалась эхом чужих голосов — шёпот, крики, приказы, мольбы, слившиеся в один протяжный стон, будто сама станция пыталась рассказать свою последнюю историю.

На панели вспыхнула строка: «Галактика на пороге войны. Выбор сделан».

Рэн отдернул руку, но было поздно. Контейнер щёлкнул, приоткрываясь ровно настолько, чтобы выпустить тонкую нить света — и вместе с ней тень, что скользнула по стенам, принимая очертания фигуры, которой не могло быть здесь спустя три тысячелетия.

Фигура подняла голову. Глаза её горели холодным огнём, а голос прозвучал так, словно он принадлежал не человеку, а самой войне:

— Ты нашёл меня. Теперь ты знаешь, что нельзя оставить позади.

«Ворон» вздрогнул, поймав новый сигнал — уже не с руин, а из глубины сектора. Десятки точек на радаре: корабли, идущие плотным строем. Не патруль. Не торговцы. Те, кто приходит за тем, что не должно быть найдено.

Рэн сжал кулаки. В голове билась единственная мысль: «Мы не просто наткнулись на тайну. Мы стали её частью».

Он повернулся к команде:

— Поднять щиты. Полный ход. И никому не говорить, что мы здесь видели.

Но было ясно: галактика уже услышала. И теперь она смотрела прямо на них.

Глава 2. Закон притяжения

Космос не прощает ошибок, но ещё меньше он прощает тех, кто становится точкой притяжения для всех бед галактики. «Стервятник» трясло не от перегрузок — его лихорадило от напряжения. В коридорах пахло озоном и страхом, а в воздухе висело одно несказанное слово: «охота».

На радаре вспыхивали метки — три флота, три хищника, идущие по следу контейнера. Один — имперские рейдеры, холодные и расчётливые. Второй — наёмники клана Чёрного Пера, для которых честь — это цена, которую платят чужие. Третий — тень, которую никто не называл вслух: флот, не значащийся ни в одной базе данных, флот, что приходил туда, где должна остаться только пыль.

— Мы не сможем уйти на гиперпрыжке, — прохрипел Кэл, пальцы его бегали по панели, будто пытались обмануть физику. — Они перекрыли векторы. Если мы прыгнём — нас разорвёт на атомы ещё до выхода.

Рэн смотрел на экран, где три кольца смыкались вокруг одинокой точки — их корабля. Он не чувствовал себя героем. Он чувствовал себя детонатором.

В рубку влетела Зора, механик с планеты-тюрьмы, где выживают только те, кто умеет чинить невозможное. Её глаза горели не страхом, а азартом.

— У меня есть идея, — бросила она. — Но она тебе не понравится.

— Сейчас мне понравится даже безумие, — коротко ответил Рэн.

Зора ткнула пальцем в схему двигателей.

— Мы не будем прыгать. Мы ударим. Используем гравитационный резонанс обломков — тех самых, что остались от древней армады. Если синхронизировать импульс, мы создадим временную аномалию. Она сожрёт их сенсоры на несколько секунд. Этого хватит, чтобы уйти в слепой манёвр.

Кэл покачал головой:

— Это самоубийство. Один неверный расчёт — и мы сами станем частью этих обломков.

— Тогда считай верно, — рявкнула Зора. — Или готовься встречать гостей.

Стрелок Дакс, тот самый, что продал собственное имя за патроны, молча проверил обоймы. Его лицо было непроницаемым, но в движениях сквозила странная решимость.

— Если будем уходить — уходим вместе, — произнёс он, не глядя на капитана. — Я не бросаю тех, с кем делил пыль.

Рэн на секунду замер. Эти люди — отбросы, изгои, тени на полях галактических хроник — сейчас стояли рядом с ним, готовые поставить на кон всё. Не из верности, не из долга, а потому, что в этом безумном секторе, где законы писались скоростью и огнём, они вдруг стали чем-то большим, чем просто экипаж.

— Делайте, что можете, — тихо сказал Рэн. — И готовьтесь к удару.

Пальцы Зоры летали над консолью, Кэл шептал формулы, как заклинания, Дакс занял позицию у орудий. «Стервятник» содрогнулся, когда двигатели взвыли на пределе, выжимая из металла и воли всё, что у них было.

Аномалия вспыхнула — не яркая вспышка, а тёмный вихрь, пожирающий свет. На радаре метки врагов на мгновение исчезли, растворились в шуме космоса.

— Сейчас! — крикнула Зора.

«Стервятник» рванулся в сторону, скользя по краю гравитационной ямы, где даже свет терял направление. За кормой пространство взорвалось огнём — не их огнём, а огнём тех, кто пришёл за контейнером.

Когда аномалия рассеялась, на радаре осталась лишь одна метка — их. Три флота кружились в хаосе, теряя строй, теряя друг друга.

Рэн выдохнул. Они выиграли несколько минут. Несколько драгоценных минут, чтобы решить, куда лететь дальше — и кем они станут, когда галактика снова найдёт их.

Он оглядел рубку: уставшие, измученные, но живые. И впервые за долгое время в груди шевельнулось что-то, похожее на гордость.

— Мы ещё не герои, — тихо произнёс он. — Но сегодня мы не стали трусами.

Где-то в глубине корабля контейнер тихо гудел, напоминая, что настоящая охота только начинается.

Глава 3. Танцы на лезвии

Торговая гавань Каллисто висела в пустоте, будто гигантский ржавый цветок, раскрывший лепестки доков навстречу любому, у кого хватало смелости — или отчаяния — причалить. Здесь не спрашивали имён, не вспоминали прошлого и не обещали будущего. Здесь стирали кровь с рук за процент, а клятвы стоили дешевле пыли.

«Стервятник» пристыковался к третьему кольцу, где стыки были кривыми, а охрана — слишком внимательной. Рэн вышел в коридор, где воздух пах озоном, жареным мясом и чужой жадностью. В каждом взгляде — расчёт. В каждом шаге — готовность ударить первым.

Вэй ждала его в «Тихой чаше» — баре, где даже шёпот стоил денег. Она сидела в полумраке, и свет неоновых вывесок ложился на её лицо полосами, словно маскируя черты, которые лучше не запоминать. Перед ней на столе лежал тонкий кристалл — не украшение, а ключ.

— Ты принёс контейнер, — сказала она, не поднимая глаз. — Или хотя бы его тень. Этого достаточно.

Рэн остановился у края стола.

— Я принёс вопрос, — ответил он. — И не люблю, когда на него отвечают загадками.

Вэй улыбнулась — так, будто знала, что он уже проиграл.

— В контейнере — не просто сила, — произнесла она. — Это искра. А искре нужен фитиль. И фитиль этот — оружие, способное переписать исход любой войны. Оно стреляет не энергией, не плазмой, не частицами. Оно стреляет вероятностью. Один выстрел — и реальность гнётся, выбирая иной путь.

— И в чём подвох? — глухо спросил Рэн.

— Плата за выстрел — кусок жизни стрелка, — спокойно ответила Вэй. — Не годы. Не воспоминания. А саму способность чувствовать момент. Каждый раз, нажимая курок, он теряет долю себя — ту самую, что делает человека живым. После десятка выстрелов он будет цел, здоров, но перестанет замечать, как пахнет утро. Как дрожит рука перед боем. Как тихо становится в космосе, когда все замолкают.

Рэн сжал кулаки. Перед глазами встало лицо Дакса — стрелка, который продал имя за патроны, но сохранил в себе что-то, что не продавалось.

— Где оно? — спросил он.

Вэй провела пальцем по кристаллу, и тот вспыхнул тусклым светом.

— Оно здесь, — прошептала она. — Но не для тебя. Для того, кто готов платить.

В этот миг по залу прокатился тихий гул — не музыка, не вибрация, а предупреждение. На входе замерли фигуры в броне без знаков различия. Не местная охрана. Не бандиты. Те, кто приходит, когда ставки становятся слишком высокими.

Кэл выскользнул из тени, прижимая к груди планшет с дрожащими данными.

— Они блокируют стыковочные узлы, — выдохнул он. — Мы не сможем уйти, пока не расплатимся.

Зора встала рядом, в её руке тускло блеснул мультиключ — но это было не оружие, а обещание, что она найдёт способ всё сломать и собрать заново.

— Мы не платим чужими жизнями, — твёрдо сказал Рэн, глядя на Вэй. — Есть другой путь?

Вэй медленно покачала головой.

— Есть только выбор, — тихо произнесла она. — Ты можешь взять оружие и стать тем, кто решает судьбы миров. Или отказаться — и стать тем, кого эти миры забудут. Но в любом случае ты уже в игре.

Дакс появился в дверях, его пальцы лежали на рукояти бластера, но взгляд был устремлён не на врагов, а на Рэна.

— Если надо стрелять, — спокойно сказал он, — пусть стреляю я. Я уже многое продал. Что ещё пара кусков себя?

Рэн шагнул к нему и положил руку на плечо.

— Нет, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Мы найдём другой путь. Мы пираты, а не палачи.

В зале стало тише — будто сама гавань на мгновение прислушалась к этим словам. А потом пространство взорвалось криками, выстрелами и лязгом брони. Фигуры в броне рванулись вперёд, и мир сузился до линии прицела, до дыхания рядом, до руки, сжимающей твою руку в темноте.

Зора метнулась к панели, пальцы летали по клавишам, как крылья хищной птицы. Кэл выкрикивал координаты, пытаясь выжать из «Стервятника» невозможное. Дакс занял позицию, но не для того, чтобы стрелять — а чтобы прикрывать тех, кто искал выход.

И в этот миг Рэн понял: они уже не просто отбросы, собравшиеся ради наживы. Они стали командой — не по долгу, а по выбору. И этот выбор стоил дороже любого оружия.

— Держитесь! — крикнул он, перекрывая грохот. — Мы уходим не через бой, а через хитрость. Зора, открывай шлюз в сектор мусора — пусть думают, что мы сгорели в турбулентности. Кэл, готовь ложный след. Дакс, прикрывай.

Металл стонал, огни мигали, а гавань Каллисто, казалось, смеялась над их дерзостью. Но «Стервятник» дрогнул, рванулся в сторону, проскользнул сквозь щель, которую видели только те, кто умел смотреть между строк реальности.

Когда шлюзы захлопнулись, а вакуум поглотил последние отголоски боя, Рэн обернулся на пустой стол, где ещё недавно лежал кристалл. Вэй исчезла, оставив лишь тень улыбки и одну фразу, прозвучавшую в его памяти, как приговор:

— Ты выбрал не оружие. Ты выбрал людей. Посмотрим, хватит ли этого, чтобы спасти галактику.

Контейнер в трюме тихо гудел, будто знал, что впереди — не просто битва, а испытание, где цена ошибки — не жизнь, а сама история.

Глава 4. Имя, которое не произносят

В космосе есть имена, которые шепчут только в темноте, когда никто не должен услышать. Имя Силвана Мёртвой Глазницы было из таких. Его эскадра не шла — она надвигалась, как тень самой смерти, стирая с карт целые маршруты одним своим присутствием.

На мостике «Стервятника» воздух стал густым, будто сам корабль понимал, кто идёт по их следу. Радары не просто показывали метки — они кричали. Тридцать боевых единиц, тяжёлые крейсера, истребители-тени, корабли поддержки — вся эта стальная буря двигалась с холодной, выверенной точностью.

— Это не охота, — тихо произнёс Кэл, глядя на экран, где линии траекторий сходились в одну точку — туда, где сейчас висел «Стервятник». — Это зачистка.

Рэн стоял неподвижно, но внутри всё сжималось от тяжести понимания: за ними шёл не просто враг. За ними шёл человек, для которого галактика была доской, а планеты — фигурами. И он не собирался оставлять ни одной лишней фигуры на поле.

Зора, обычно дерзкая и острая на язык, сейчас молчала. Её пальцы бегали по панели, выискивая хоть какую-то лазейку в этой стальной стене.

— У нас нет шансов на прорыв, — наконец сказала она, не поднимая глаз. — Если мы пойдём напролом, нас разорвут на куски ещё до того, как мы успеем нажать на гашетку.

Дакс облокотился на оружейную консоль, его лицо было непроницаемым, но в глазах читалось то, что он не произносил вслух: если придётся умирать — пусть это будет не зря.

— Он хочет контейнер, — произнёс Рэн, словно пробуя слова на вкус. — И он знает, что мы его нашли.

Кэл кивнул.

— Двадцать лет назад Силван потерял его в секторе Эреб, — тихо сказал он. — Тогда там исчезла целая эскадра. Говорили, что контейнер поглотил их — не уничтожил, а втянул в себя, как воронка. С тех пор Силван не успокоится, пока не вернёт его. Для него это не просто артефакт. Это доказательство, что он всё ещё хозяин галактики.

Рэн сжал кулаки. Перед глазами вставали картины: сожжённые планеты, выжженные орбиты, города, стёртые с лица космоса. Силван не оставлял свидетелей. Он оставлял легенды — страшные, холодные, навсегда вписанные в хроники как предупреждение.

— Значит, мы не можем дать ему то, что он ищет, — твёрдо сказал Рэн. — Но и сражаться с ним в лоб — самоубийство.

Зора вдруг подняла голову, в её глазах вспыхнул тот самый огонёк, который появлялся, когда она собиралась сделать что-то невозможное.

— Есть один шанс, — быстро заговорила она. — В секторе Эреб до сих пор работают гравитационные аномалии — те самые, что поглотили его эскадру. Если мы сможем заманить их туда... если сможем заставить их войти в ту же воронку...

— Ты предлагаешь использовать против него его же проклятие, — перебил её Рэн.

— Именно, — кивнула Зора. — Мы не будем сражаться. Мы будем приманкой.

Кэл покачал головой, но пальцы уже летали по клавишам, просчитывая траектории, риски, шансы.

— Это безумие, — прошептал он. — Один неверный шаг — и мы сами станем частью этой воронки.

— Тогда сделаем шаг верно, — резко сказала Зора.

Дакс молча проверил оружие, потом посмотрел на Рэна.

— Если мы идём в пасть к зверю, — спокойно произнёс он, — пусть он знает, что его там ждёт не добыча, а зубы.

«Стервятник» вздрогнул, когда двигатели взвыли, выходя на предельную мощность. Корабль рванулся вперёд, оставляя за собой ложный след — яркую вспышку, приманку для радаров, сигнал, который кричал: «Мы здесь, мы слабы, мы бежим!»

И эскадра Силвана клюнула. Тяжёлые крейсеры ускорились, смыкая кольцо, уверенные, что добыча уже у них в руках.

Но Рэн знал: настоящая ловушка была впереди. В секторе Эреб пространство дышало, изгибалось, жило своей собственной, тёмной жизнью. Там, где гравитация становилась хищником, а свет — добычей.

Когда «Стервятник» скользнул в зону аномалий, экраны заволгло помехами, а корпус задрожал, будто космос пытался его оттолкнуть.

— Сейчас! — крикнула Зора. — Выпускай ложный маяк! Пусть думают, что контейнер на борту!

Кэл щёлкнул переключателем, и в пустоту улетел сигнал — яркий, чёткий, манящий. Эскадра рванулась за ним, не замечая, как пространство вокруг них начинает сжиматься, как гравитация тянет их вниз, в ту самую воронку, что двадцать лет назад поглотила их предшественников.

Силван понял слишком поздно. Его флагман замер, пытаясь вырваться, но законы физики здесь больше не работали. Воронка распахнула пасть, втягивая в себя корабли, огонь, крики, саму реальность.

А «Стервятник», лёгкий и юркий, скользнул по краю, уходя в слепой прыжок, оставляя позади только эхо взрыва и имя, которое больше не нужно было произносить вслух.

Когда пространство успокоилось, Рэн посмотрел на команду — уставшую, измученную, но живую.

— Мы не победили его, — тихо сказал он. — Мы просто не дали ему победить нас.

Контейнер в трюме тихо гудел, напоминая, что эта игра только начинается. И что впереди — не просто битвы, а выборы, от которых зависит, станет ли галактика полем боя или получит шанс на мир.

Глава 5. Кости на стол

Станция «Клык» висела в пустоте, как обломок зуба — острый, кривой и готовый вцепиться в любого, кто подойдёт слишком близко. Здесь не было законов, кроме одного: тот, кто первым достанет нож, не всегда выживает — но всегда диктует правила.

В круглом зале совета свободные капитаны сидели так, будто каждый стул был минным полем. Семь банд, семь флагов, семь взглядов, в которых читалось одно и то же: «Я возьму всё, если ты ослабеешь».

Рэн стоял в центре, не пытаясь казаться выше или громче остальных. Он знал: здесь уважают не пафос, а сталь. И расчёт.

— У нас есть враг, который не спрашивает разрешения, — спокойно произнёс он, глядя на каждого по очереди. — Силван Мёртвая Глазница. Он уже сжёг три планеты. Четвёртая — вопрос времени. И эта четвёртая может быть любой из наших баз.

Капитан Вэрс из «Стальных Клыков» хмыкнул, постукивая пальцами по рукояти кинжала.

— Ты предлагаешь нам объединиться? — протянул он. — Пираты не дружат. Мы делим добычу.

— Я предлагаю сделку, — ответил Рэн. — Общая угроза — общий ответ. Мы ударим первыми. Заберём то, что нужно Силвану, и спрячем так, что он никогда не найдёт. А потом поделим то, что останется.

В зале повисла тишина — тяжёлая, как перед грозой. Каждый капитан взвешивал слова, прикидывал проценты, просчитывал, где можно ударить в спину и остаться в выигрыше.

— А если мы откажемся? — спросила Лира, капитан «Тени Пустоты», её голос был тихим, но острым, как лезвие. — Что ты сделаешь?

Рэн не стал обещать. Он просто положил на стол кристалл — тот самый, что Вэй показывала в Каллисто. Он не сиял, он пульсировал, будто внутри него билось чужое сердце.

— Это приманка, — сказал Рэн. — И щит. С ним у нас есть шанс не просто выжить, а диктовать условия. Но один я его не удержу. А вместе — сможем.

Капитаны переглянулись. В их глазах мелькнуло что-то новое — не доверие, но расчёт, в котором риск потерять всё перевешивал выгоду от предательства.

— Один голос решает, — процедил Вэрс. — Пусть будет голосование.

Слова прозвучали как приговор. Голоса падали на стол, как кости в игре, где ставка — жизнь. «За», «против», снова «за»... Напряжение росло, воздух становился густым, пропитанным недоверием и жадной властью.

И когда счёт стал равным, Лира подняла руку.

— За, — коротко бросила она. — Не ради тебя. Ради того, чтобы галактика не стала могилой для всех нас.

Один голос. Один лишний. И равновесие качнулось.

Но не все были готовы принять поражение. В тот миг, когда Рэн выдохнул, позволяя себе поверить, что сделка состоялась, воздух разорвал короткий хлопок.

Рэн дёрнулся, чувствуя горячую вспышку в плече. Он опустил взгляд: на ткани расплывалось тёмное пятно. Рядом, с дымящимся пистолетом в руке, сидел капитан из «Чёрного Прилива» — тот, кто до последнего молчал.

— Лишняя дырка, — хрипло усмехнулся он. — Чтобы помнили: мы не союзники. Мы временные партнёры.

Никто не вскочил, не бросился к оружию. В этом зале насилие было языком переговоров. И Рэн это знал.

Он медленно поднял руку, не к ране — к кристаллу. Сжал его, чувствуя, как тот отзывается теплом, будто признаёт в нём проводника.

— Принято, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Теперь у нас есть план. И у каждого — своя роль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.